

ЗАДАЮ себе вопрос и не могу сразу, не могу легко ответить на него! Что встревожило, что пронзило, что ошелолило меня в весенний вечер, когда я случайно включил телевизор? Сначала вполглаза, а потом неотрывно, «отключившись», вглядывался в этот фильм. «Поздняя любовь» А. Островского...

Потом я смотрел фильм второй раз. От начала до конца. Потерял очарование первого впечатления. Но снова к середине второй серии

Смокуновского склонили головы в благодарности все... Во всяком случае, скептиков и равнодушных я не помню. До Куликова был князь Мышкин в БДТ. И тоже я не помню ни скептиков, ни равнодушных. Действительно, «время — честный парень».

Теперь мои сокурсники стали известными писателями, некоторые почти классиками. Жизнь разбросала нас по городам и весям. И даже

Лун, 2012, 1983
Александр
МИШАРИН

похожий на таракана... Быт, жанр. Деньги в толстых пачках, купцы, содержанки, бедность, порок. Любовь — как свеча в ночном окне...

Как здесь оказался И. Смокуновский? Как это случилось? Я ведь еще помню свои мальнишеские слезы от незабвенного, любимейшего всеми Михаила Михайловича Яншина в роли Маргаритова. И как я был счастлив, когда взрослым работал с ним, любовался им! Всем им — и голосом, и умом, и повадкой... Вот чье это было дело!

А теперь Маргаритов — Смокуновский?!

Значит, это мы все, из

гедку, которую не решить веками, ибо только тайна является не просто сутью профессии, но и сутью самой зеленой жизни». (Как хорошо здесь слово «зеленый»!)

Тему, мысль играют, снимают все создатели фильма «Поздняя любовь», и делают это исто-во, хорошо, с отношением... А вот тайна, суть «самой зеленой жизни», приоткрывается, заманивает, ворожит, рушится на нас в его, И. Смокуновского, темнине веч-но гамлетовских глаз... (Не отпустит он его никогда!) И походочка, и грим, и руки стряпчего человека, и мелкого, и гордынного. Но все это еще мастерство, все это подступочки, все это пасажик. Все только игра, все прельщение...

Но вот наступает момент пропажи докумен-та. И все Ремесло, все Мастерство, весь Арсенал, как павший в атаке авангард, как сгоревший ракетополетчик, как от-летевшая юность, — все скрывается за безжалостным счастьем Искус-ства!

Как хочется длить эти мгновения! Как томится от радости душа твоя! Это не сюжетный поворот, не кульминация пьесы, не «выигрышный актерский кусок». А сама тайна жизни останавливает, затормаживает, кон-центрирует уже жизнь твою... Соучастную. Как понимает это И. Смокуновский!.. Как длит он это счастье! Как власт-вует!

Единственная в мире власть — власть Искус-ства, что не подчиняет, а сама падает на колени, чтобы возвысился ты... Десятки миллионов, смотрящие в прямоугольник голубого экрана! Не для тебя одного это чудо? Но и для тебя тоже...

И невольно спрашиваешь себя: сколько же раз за свою уже немалую жизнь артист дол-жен так «падать на ко-лени»? Так профессио-нально и так безжалост-но к себе проживать, натягивать свои и так наверняка не стальные, не беспечальные нервы! К чему ему беды и жуть

жизни других? И выду-манных, и бывших? Что-бы мы посмотрели и по-радовались?..

Мука-то зачем такая? Ведь все работают, но зачем так уж? Чего уж? Как говорится, «и так все при нем»!

Второй раз посмотрев «Позднюю любовь», еду с Королева, 12. Снова улицы, конец рабочего дня, люди, очереди, трамвай, проспект Ми-ра... Непрогаданный смысл машинально фик-сируемого взглядом че-ловеческого бытия, го-рода, конца лета... Обо-рачиваюсь к сыну и говорю машинально, обе-спокоенно, себе говорю: «Все работают, а он сго-рает!»

Сгорает, да не сгорит! И вдруг все, только что незамечаемое, неосмысленное, все, что бы-ло перед глазами — весь этот московский, плотный, чуть сумереч-ный, суматошный и тор-жествующе-живой го-род, — все вдруг обре-тает свой, особый, не-легко открывшийся, ком-то внезапно освещен-ный смысл!

Это он — И. Смоку-

новский, это его Марга-ритов чуть приоткрыли мне и себя, и будни, и тот двадцатилетней дав-ности день?

Да, искусство перио-дически, по своей пря-мой обязанности, мето-дично и безжалостно, как вселенская ревизия, перетряхивает нас. Это его обязанность. А наша обязанность — не со-противляться. Выслушать урок, не брыкаться. Не изображать из себя стра-дальцев. Как говорил тот же самый Т. Манн: «О страдании в искусстве не может быть речи. Кто в глубине души избрал себе такое приятное де-ло, не должен перед серьезными людьми строить из себя муче-ника».

Для меня этот счаст-ливый урок начался два-дцать с лишним лет на-зад...

А для Смокуновско-го? Бесконечные роли, лица, судьбы, слова...

Какой счастливый он человек! Какой несчаст-ный человек...

Нет, ничего не ушло! Все уходит, прибавля-ясь...

ТАЙНА ЯВНОГО

забыл о себе. Забыл о частных находках, кото-рые отмечал до этого с придирчивостью и рев-ностью коллеги, профес-сионала.

Умелая и свободная режиссерская манера Леонида Пчелкина да хороший актерский ансамбль. Радость от того, что появился еще один прекрасный оператор... Даже блистательная, недооцененная, только вступающая в свой рас-цвет Е. Ханаева — даже она отступила для меня на второй план.

Конечно, вели меня сам великий Александр Николаевич Островский, любовная и строгая сце-нарная работа М. Темя-ковой.

Но было еще что-то... Что не отпускает меня до сих пор. Тень судьбы? Или сама она?

...Двадцать с лишним лет назад мы, слушатели первого набора Высших сценарных курсов, в ма-леньком зале на Воров-ского смотрели «Девять дней одного года». Пе-ред той работой И.

траурные прямоугольни-ки для нас уже не не-вость.

Но тот весенний Смокуновский — Куликов, это всё во всех нас пере-плетающееся, невыре-женное, в надеждах, в сумятице, сильное, безла-берное, живое. Все в нем, тогдашнем... Он — мы тогда или мы — это он?

Но ведь Иннокентий Михайлович Смокунов-ский не только артист. Он — человек. Он — ра-ботник, он в штате, в семье, в жизни, в болез-нях... В своей жизни.

Мы не знакомы с ним. Я никогда не был осо-бым поклонником его несомненно огромного таланта. Почти не встре-чался с ним в работе, разве что в «Зеркале», где он, как принято го-ворить, читал текст от автора. От героя... Но это было уже давно, да и сам фильм я не видел, кажется, с премьеры.

Но это все другая жизнь! А здесь, в «Позд-ней любви», — Замоскво-речье. Адвокат, старик,

того двадцатилетней дав-ности далека уже входим в возраст, и в роль, и в судьбу маргаритовскую!

Что говорить о мастер-стве такого артиста! Я не театровед, не биограф И. Смокуновского... И, наверно, роль эта не са-мая вершинная из его работ — и бывших, и бу-дущих...

Но снова я вижу его, Маргаритова. И далеко-го, и странного для нас, сегодняшних. Странного и в словах, и во вздрю-ченной, боязливой, жал-кой гордости своей... Все это называется у специа-листов «темой честно-сти». Как остаться чест-ным среди всеобщего жульничества и воровст-ва. Сохранить душу свою среди всеобщего паде-ния нравов...

Все правильно — толь-ко для этого не нужно Искусства. Еще в старых, всем известных запове-дях сказано: «Не укра-ди!»

Призову на помощь Томаса Манна: «важест-ная мысль, которая и так всем ясна, поставить за-

